

УДК 346.2

С.Н. ГРУДНИЦКАЯ, канд. юрид. наук, проф., Институт экономико-правовых исследований НАН Украины

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ПРОБЛЕМ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ (СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ОРГАНИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ПРАВОПОНИМАНИЯ)

Ключевые слова: предприятие, хозяйственная правосубъектность, методология, правопонимание, исконный методологический коллективизм

Плюралистический подход к формированию социально-экономической политики открыл дорогу формированию нового поколения законодательства, призванного гармонизировать правовое регулирование общественных отношений в хозяйственной сфере с рыночными условиями хозяйствования. Достигнутая практическая результативность хозяйственно-правовых решений свидетельствует об относительно высоком уровне их методологического обеспечения, в то же время ряд окончательно не разрешенных теоретических и практических проблем в области хозяйственного (предпринимательского) права свидетельствует о необходимости внимания, в том числе, к вопросам методологии. Методология хозяйственного права еще не представлялась в систематизированном виде, и к ее проблемам мало обращались исследователи. В Украине одним из первых коснулся вопросов методологических основ хозяйственного права, в частности, в области регуляторной политики, А.Х. Юлдашев [1]. Возникший интерес к проблемам методологии подтверждает слова Г.Л. Знаменского, что наука хо-

зяйственного права, прошедшая в своем развитии немалый путь, подошла к стадии зрелости. «Это означает, что она в своем дальнейшем развитии имеет возможность непосредственно, без посредников, обращаться к идеям общей теории, философии и социологии права» [2, с.408].

Методологический индивидуализм или методологический коллективизм, западная или иная традиция права – эти проблемы не сходят со страниц политологической литературы. Они имеют основоположное значение и для других общественных наук, в том числе для юридической науки. Вместе с тем в юридической литературе в таком аспекте проблемы методологии еще не рассматривались, и постановка методологических проблем в целом не достигала данного уровня обобщения.

Целью данной статьи является анализ методологических подходов к исследованию проблем хозяйственной правосубъектности предприятий и обоснование стратегического значения органической концепции правопонимания. Ее новизна состоит в обосновании стратегического значения органической концепции правопонимания для совершенствования правового регулирования отношений в хозяйственной сфере и решения проблем хозяйственной правосубъектности.

Анализ литературы позволяет выделить два основных научных подхода к исследованию проблем правосубъектности – *догматический и социологический*. Первый берет свое начало в Средневековье, когда в юриспруденции сложился схоластический метод правотворчества, который в 19 веке перерос с догматику. Второй зародился в 19 веке как реакция на крайности догматики и в противовес ей.

Рецепция римского гражданского права в некоторых западноевропейских странах заложила тенденцию с самого начала сводить весь живой правовой материал в навсегда упорядоченный и исчерпывающе обобщающий кодекс, в котором всякий вообще мыслимый в будущем случай будет решен зара-

нее [3, с.65]. Начиная с 19 века, цивилисты поставили перед собой грандиозную сверхзадачу втиснуть все многообразие общественных отношений в единый гражданский кодекс и реализовать позитивистскую идею универсального чистого права. Постоянно навязываемый все новому и новому спектру общественных отношений цивилистический подход, используемый в идеологии полной рыночной саморегуляции, стал тормозом цивилизационного развития. Классическая экономическая теория соответствовала потребностям на стадии промышленного капитализма (19 век), но заняла место не более чем выгодной определенным кругам идеологии в современном мире. Направленная на обеспечение свободы в обществе заложенная средневековыми канонистами функция базового «нравственного» права, на котором развивается вся система права, гражданским правом утрачена. К концу XX века методологический индивидуализм полностью исчерпал себя. Западные ученые констатировали кризис западной традиции права [4].

Эта тенденция в развитии догматического направления была замечена уже в XIX веке. Обостряющиеся противоречия капитализма вызвали к жизни появление социологических теорий в общественных науках, использующих методологию коллективизма.

Справедливости ради надо сказать, что средневековые глоссаторы и комментаторы, создавая насыщенное христианскими ценностями каноническое право на основе римского частного права, вовсе не предполагали втиснуть в создаваемую модель все право, но, напротив, предполагали развитие множественности правовых систем (феодалного, манориального, торгового, городского и др.) на его основе [4].

Великие перемены в политической, экономической и социальной жизни, которые составляли начавшуюся в конце 11–12 веках Папскую революцию, вызвали необходимость сформулировать общие правовые принципы, поскольку этого требовали нужды сосущест-

вования и соревнования возникающих централизованных политий, как церковных, так и светских. Церковь была первым коллективом, который в 11 веке назвал себя юридическим лицом. Под эту потребность были использованы, видимо, неслучайно найденные тексты Кодекса Юстиниана, которые подвергли анализу и синтезу средневековые юристы-схоласты, вторящие заданной канонистами революционной тенденции. В результате юристами 12–13 века, как канонистами, так и специалистами римского права, было создано совершенно новое право. Так что поклоняться, как это принято, с высоты современности классическому римскому праву вряд ли оправдано, преуменьшая тем вклад в формирование новой традиции права средневековых юристов. Римское право Юстиниана всего лишь снабдило западноевропейских юристов терминологией, но греческая диалектика Платона и Аристотеля обеспечила их методом, а сочетание этих двух элементов в совершенно ином общественном контексте и пропущенное сквозь сито канонического права произвело на свет нечто новое.

По сохранившимся источникам можно определить всю меру отстояния средневекового и римского правопонимания. Римляне рассматривали исключительно частные случаи в их проявлениях, но никогда не предпринимали анализа фундаментальных понятий, – пишет О. Шпенглер [3, с.64, 65, 73]. Однако на всех этапах римская юриспруденция была наукой, обобщающей юридическую практику [5, с.141].

В Средневековье термины, преимущественно взятые из римского права, были использованы при формулировании общих принципов и затем при формировании общих понятий [4, с.152–153]. Это были новые понятия, часто возникали и новые термины. Например, юристы 12–13 века использовали новый термин «юридическое лицо» в его противопоставлении «физическому лицу». Появление новых терминов и понятий было обусловлено особенностями открытого схо-

ластами нового метода правотворчества.

В противоположность своим предшественникам, римским юристам и греческим философам, западноевропейские юристы 12 века полагали, что могут с помощью разума доказать универсальную истинность и универсальную справедливость авторитетных юридических текстов. Для них эдикты и *responso* римского права, взятые и по отдельности, и в целом, составляли нечто, чем они уж точно не были в представлении самих римских юристов – письменным естественным правом, которое следовало принимать как священное наряду с Библией, патристикой и канонами церкви. Так как римские правовые нормы считались истинными и справедливыми, из них можно было вывести новые истины, а поскольку они содержали лакуны, двусмысленности и противоречия, необходимо было поставить проблемы и синтезировать конфликты.

Новый подход нес огромные преимущества. Например, теория подчинения обычая естественному праву, изобретенная канонистами, дала основу для выкорчевывания тех обычаев, которые не соответствовали разуму и совести. Но схоластический диалектический метод был оторван от реальности, и потому, с другой стороны, вмещал в себе и опасности, которые с течением времени стали проявляться.

Средневековые юристы перевернули с ног на голову диалектику Аристотеля, абстрагировавшись от реализма Платона. Платон постулировал существование универсалий в природе, считая, что идея справедливости и другие общие идеи в человеческом разуме являются несовершенными отражениями парадигм или форм, которые существуют во внешней реальности. Этот взгляд на универсальные идеи, который сегодня на Западе называют идеалистическим, первоначально назывался реалистическим. Он не полностью разделялся Аристотелем, но христианские философы средневекового Запады считали Платона и Аристотеля реалистами. Хотя не-

которые из философов и ранее поднимали вопрос о «реальности» универсалий, первая острая и систематическая атака на позицию реалистов была предпринята в 11–12 вв., прежде всего, Абеляром. Он отрицал внешнюю реальность тех общих характеристик, которые определяют классы отдельных существностей. Он утверждал, что только единичные существности существуют вне разума, а универсалии – это имена, которые разум изобрел для выражения сходства взаимоотношений между единичными вещами, принадлежащими к одному классу. Некоторые номиналисты вообще отрицали, что универсалии имеют значение. Абеляр утверждал, что «общества» или другие имена (*nomina*) не существуют ни в физическом мире, ни в каком-либо идеальном мире форм. Скорее, они общие качества, которые человеческий интеллект относит к добрым делам, или к отдельным людям, живущим в общественных отношениях друг с другом и т.п.

В этом взгляде как в капле воды отражалась новая тенденция в правопонимании – тенденция методологического индивидуализма. Тем самым в схоластический метод был заложен принцип противопоставления частного и публичного, реального и фиктивного, физического и юридического, в том числе физического и юридического лица, и т.д. Схоластические антитезы включали общее против особого, объект против субъекта, строгий закон против отступления от норм в исключительных случаях, абсолютная норма против относительной, правосудие против милосердия, божественное право против человеческого. Эти и аналогичные оппозиции использовались для логического примирения противоречивых текстов, а также для формирования правовых институтов и церковного, и светского права. Сам Бог понимался как Бог и правосудия, и милосердия, и строгого закона, и справедливости. Впервые парадоксы божественной справедливости были приложены к человеческим законам [4, с.145].

Разумеется, следует подчеркнуть прогрес-

сивность схоластического метода, отдать должное средневековым схоластам. Номинализм сыграл жизненно важную роль в систематизации права, ибо реализм в праве не мог уйти от казуистических норм римских юристов. Номиналисты считали, что универсалии продуцируются разумом, мышлением и волей, поэтому их можно пересмотреть разумом и волей, но в то же время универсалии содержатся в частностях, которые они характеризуют, поэтому их можно проверить этим частностями.

Но методология индивидуализма делала его односторонним, питала ложное представление, что «в праве не может быть такого разделения целого и частей, общего и частного, формы и содержания, средств и цели, какое присуще реалистической философии» (цит. по [4, с.145]). Именно в средневековье в оценке категории коллективных сущностей была заложена концепция юридической фикции. По словам Н.С. Суворова, римские юристы были мало расположены заниматься спекуляциями, отрешенными от действительности, и умозрительное оперирование фикциями можно всецело отнести на счет средневековой юриспруденции [6, с.61]. Отрицание реальности коллективных сущностей обусловило половинчатый, односторонний характер догматики, негативный потенциал которого все более проявлялся по мере укрепления общественных связей и нарастал на протяжении веков. Отрицание реальности категории «общество» вело к игнорированию вопросов его свободы как цели в праве, не менее важной, чем свобода индивидов (ибо свобода индивидов возможна только в условиях свободного общества) и перерастанию последней во вседозволенность, а метод юридической фикции – к тенденции игнорирования идеи динамичного органичного развития права и превращения самого права, по словам Антона Менгера, в «фикцию замороженного порядка» (цит. по [7, с.24]).

Результатом стало отмеченное Г.Дж. Берманом и другими западными авторами ощу-

щение заката западной традиции права. Запад теряет свою уверенность в том, что его право развивается постоянно, органично, последовательно, через прошлые поколения в будущее. Напротив, право становится все более прагматичным и политичным. «Историческая юриспруденция, которая одна способна объединить юридический позитивизм и теорию естественного права, – почти исчезла из нашей философии права», – пишет Г.Дж. Берман [4, с.13]. Следует отметить, что исчезла, видимо, потому, что в условиях небывалого усложнения общественных связей ввиду посылки методологического индивидуализма оказалась не способной обеспечивать сочетание позитивного и естественного права, включая историческую школу Савиньи с его теорией фикции юридического лица,

Отражением сохраняющейся в современном обществе тенденции методологического индивидуализма является игнорирование вопросов самоорганизации общества отечественными цивилистами со стремлением навязать свою позицию другим, их выступления с требованиями отмены Хозяйственного кодекса Украины и попытки отстоять приоритет норм ЦК Украины с его положением о приоритете договора перед законом. Реакцией на современные процессы социализации права и государства стало цивилистическое положение о социальной природе юридического лица [8], но сохраняющаяся методология индивидуализма заставляет по-прежнему втискивать предприятие в конструкцию юридического лица, которая с течением времени стала для предприятия неприемлемо тесной.

Основанному на методологическом индивидуализме цивилизму противостоит социологическое направление в науке, которое выводит свои посылки из методологического коллективизма. Представителем социологического направления является хозяйственно-правовая школа.

С правовой точки зрения следует отметить, что сохраняющийся спор между цивилистами и хозяйственниками, по сути, является исто-

рически сложившимся «спором» между современным цивилизационным пониманием общественной жизни, обусловленным общественным характером промышленного производства, и архаичным пониманием ее классическими цивилистами с характерным римскому периоду натуральным ведением хозяйства и простым товарным обменом (классическими с точки зрения их приверженности как классическому римскому праву, так и классической и неоклассической идеологии). Особенности хозяйственного обеспечения жизнедеятельности людей определили дихотомию частных и публичных интересов в римской цивилизации и праве, и, напротив, сочетание частного и публичного (общественного) в современных условиях общественного производства. Современному системно организованному обществу (государственной социально-экономической системе) адекватно понятие субъекта права как функциональной единицы, возникающей не из противопоставления, а из сочетания частного и публичного, которая включает в себя характеристику субъекта права не только как участника частных экономических отношений, но также как участника общественных экономических отношений – носителя публичных функций. В то время как цивилистическое понятие юридического лица используется лишь для обозначения участников частных отношений, опосредующих хозяйственный оборот.

Сколь естественно было противопоставление частного и публичного у римлян (по словам О. Шпенглера, римляне мыслили телесными субстанциями, а метафизика античного бытия отражала жизненный идеал атараксии (статик) [3, с.69]), столь сложно оказывается найти границу между частным и публичным в современной (христианской) цивилизации, которая открыла собственные пути общественного развития на основе динамического развития общественных отношений.

Генетические истоки методологического коллективизма приходятся на период зарождения христианства и связываются с началом

нашей эры. Со времен Константина Великого (306–337 гг.), покровительствовавшего христианству и перенесшего столицу Римской империи в Константинополь, в старой форме «римского» права начало зарождаться совершенно новое право – христианское обычное право. Из права отдельных городов-государств выделялось право религиозных общин, которое сочетало интересы и волю поборников одной и той же религии, объединяя их в одно целое – коллективную субстанцию. Это уже была не римская публика, противостоящая гражданину, и не лица, противостоящие вещам (рабам), не противоречивое множество телесных субстанций, но христианский коллектив как единая бестелесная субстанция. Формирование бестелесной субстанции из сочетания «справедливо уже применительно к древней общине в Иерусалиме, и оно простирается вплоть до триединства лиц Божества» [3, с.6–70].

Зарождение христианства знаменовало зарождение новой цивилизации в недрах доживающей свой век Римской империи, с новой парадигмой мышления, предполагающей динамичную (в силу борьбы добра и зла) функционально-целевую (с целью всеобщего спасения) организацию общества. Постепенно римское право эволюционировало в византийское право. В качестве такового оно понималось и воспринималось обращенными в христианство азиатами и германцами. По сути, Кодекс Юстиниана является уже источником византийского права, составлялся он после падения в 476 г. Западной римской империи. После ее завоевания германцами римское право продолжало действовать по отношению к бывшим подданным римского государства и их потомкам. Для римского населения оставались в силе источники римского права – в одних местах доюстиниановские, в других юстиниановский кодекс. Параллельно с византийским правом в Европе развивалось обычное право германских народов, о чем свидетельствуют юридические произведения X–XI вв., например, «Исследо-

вания и предупреждения» неизвестного автора – произведение, трактующее ряд вопросов лангобардского и «римского» (византийского) права. Наибольший интерес представляют «Выдержки из римских законов» Петра («*Exceptiones Petri*»), произведение XI в., представляющее самостоятельное систематическое изложение исторически эволюционировавшего (модифицированного) римского права. Оно предназначается в предисловии для Одиллона, судьи в Валансе (южная Франция). Источником для автора являлся весь Кодекс Юстиниана, не только Дигесты. Сохранился найденный в XVI в. учебник «Сокращенное изложение римского права» («*Brachylogus juris civilis*»), который был написан в XI-XII вв., по видимому, в Орлеане, вне всякого влияния Болонской школы, на основании юстиниановского законодательства и *Breviarium Alaricianum* «и настолько ясно, что долго был в ходу и после того, как влияние Болонской школы стало повсеместным» [9, с.276].

Юриспруденция в этот период находилась в исключительных условиях необычного смешения наций и правовых систем. Юристы привыкли одну систему восполнять другой, для восполнения пробелов обращались к более разработанному римскому (византийскому) праву, расценивая его как общее право. С другой стороны, романисты принимали во внимание право лангобардское. В тех случаях, когда правовые системы сталкивались между собой и противоречили друг другу, юриспруденция считала себя вправе выбирать между ними по соображениям справедливости как верховного критерия всякого права. Отсюда дальнейшее воззрение, что норма несправедливая при применении может быть отвергнута и заменена правилом, диктуемым справедливостью. Если же справедливость представляется противоречащей писаному праву, «должно судить сообразывая с ней» – это правило отражено и в «*Exceptiones Petri*» (11 в.) и «*Brachylogus juris civilis*» (11–12 в.) [9, с.271–276, 284].

К началу 19 века развивавшееся в данном русле право было обобщено в наполеоновских кодификациях гражданского и торгового права во Франции, которые проводились под влиянием орлеанской и ей подобных научных школ, формировавшихся не в процессе схоластического прочтения Дигестов (Пандектов) из Кодекса Юстиниана, как это делала болонская школа, а в процессе исследования эволюционирующего византийского права.

Подобная школа до XI в. существовала и в Болонье (школа *artium liberalium*), однако в XI в. там возникло альтернативное направление, связанное с именем Ирнерия, провозгласившего идею универсальности классического римского права и положившему начало методологическому индивидуализму в праве и формированию догматической доктрины права, построенной на противопоставлении частного и публичного начал. Развитие этой правовой ветви в 19 веке было обобщено в германской кодификации пандектного права, проводимой в жесточайших спорах параллельно с кодификацией германского права. В результате были приняты два Уложения – гражданское и торговое, а спор принципиально разрешен установлением приоритета последнего и тем, что германская кодификация пандектного права не получила такого успеха, как Кодексы Наполеона. Кодификационные работы конца XVIII века начинались в разгар естественно-правового настроения с намерением создать справедливое право. В германской же кодификации общее настроение юриспруденции выразил Гирке: «Мы должны найти ее, эту потерянную идею права, иначе мы сами себя потеряем!» [10, с.78].

Опасность индивидуалистического цивилистического подхода была замечена учеными уже в 19 веке, что вылилось в формирование противостоящей юридическому позитивизму социологической школы права.

Всплеск социологических воззрений в Российской империи 19 века был естественным результатом «восточной» традиции права.

И Русская правда, и вобравший ее положения Литовский статут, также как и дарованное городам Украины Магдебургское право были отражением этой традиции. Сохраняло эту традицию и купеческое право Российской империи, что видно по содержанию сделанного в первой половине 19 века обозрения прав и обязанностей российского купечества и вообще среднего сословия [11]. После реформ Петра 1, «прорубившего окно в Европу», лишь в 19 веке были предприняты попытки рецепции римского права путем разработки и принятия гражданского уложения, но они вызвали жесточайшие споры и так и не увенчались успехом.

Весомый вклад в становление социологической школы права сделали отечественные ученые XIX в. К.Д. Ушинский сформулировал необходимость новой хозяйственно-правовой концепции права, обосновав необходимость выделения его в качестве самостоятельной правовой отрасли (середина 19 века). Первый отечественный профессор права С.Е. Десницкий (по иронии судьбы ученик Адама Смита – получал экономическое и юридическое образование в Глазго и Москве) сформулировал идею социального государства – «собственность обязывает», которую западные страны успешно реализовали в XX в. Об этих и других ярких именах в юридической науке, которые дала Украина в XVIII-XIX вв., писал Г.Л. Знаменский [12, с.13, 31].

Самостоятельное научное направление хозяйственного права, которое было заложено в XIX веке [12, с.12,36; 13, с.42], положило начало двум процессам в оценках статуса хозяйственного права. П.П. Цитович, А.И. Каминка, А.Х. Гольмстен и др., следуя западному опыту, выделяли торговое право из права гражданского. К.Д. Ушинский, И.И. Янжул, В.А. Удинцев, А.Ф. Федоров и др. усмотрели в нем самостоятельное правовое явление, сочетающее частные и публичные начала. В этот период были сформулированы идеи, которые потом легли в основу теорий следующих поколений ученых-хозяйственников.

Следует отметить, что рождались эти идеи в умах представителей господствующего цивилистического направления, под знаком которого проходил XIX век. В начале века в период после буржуазных революций возникла историческая школа, основатель которой Савиньи выступил против кодификации в Германии по образцу Франции и призвал к догматическому историческому исследованию положительного права. Однако неудовлетворенность правовым развитием привела во второй половине XIX века к возрождению естественно-правовых идей. Противоборство традиционной естественно-правовой и сформировавшейся в XIX веке нормативистской теории происхождения права сказалось на цивилистической науке идейным уходом из нее лучших представителей, являющихся поборниками естественного права. Течение тогда еще не оформилось в самостоятельную науку и во многом продолжало пользоваться цивилистическим инструментарием, что объясняет современную публикацию их трудов в классике российской цивилистики. Но тогда уже наметилась методологическая антиномия нормативистской и социологической школы права, романистики и германистики, западничества и славянофильства в праве, цивилистической школы и хозяйственно-правовой.

Л.И. Петражицкий, отмечая противостояние германистов и романистов в процессе германских кодификаций, характеризует первых как «ожесточенных врагов романизма и римского права», которые воспринимали право земель как «истинное и драгоценное проявление национального духа, сокровищницу правовых благ, которые должны *вытеснить и затмить римское право* и сделаться истинным основанием для дальнейшего развития гражданского права» [10, с.10].

Формально оставаясь на позициях романизма и сокрушаясь по поводу «покорности романистов, поспешивших отречься от романизма и принципов римского права», Л.И. Петражицкий по общему тону критических высказываний германских кодификаци-

онных работ сводился к отрицанию романтизма в его индивидуалистическом варианте. Сам Петражицкий писал: «Основная цель моих немецких монографий – не в решении специальных проблем, а в доказательстве возможности и необходимости создания науки политики права и в выработке основных посылок и научного метода для решения вопросов законодательной политики» [14, с.108]. Д. Гримм от имени единомышленников высоко оценил разработки Петражицкого в части науки гражданской политики, но критиковал за попытки сочетать гражданскую политику с догмой: «Мы во многих принципиальных пунктах расходимся с автором. Отдавая должное гражданско-политическому методу как таковому, мы вместе с тем вынуждены были констатировать, что ни конкретный гражданско-политический идеал, устанавливаемый автором в применении к занимающему его институту и заимствуемый им из римского права, ни конкретная методологическая постановка вопроса, на которую оказали фатальное влияние, с одной стороны, смешение задач догмы и гражданской политики, с другой стороны – смешение внешних и внутренних признаков, характеризующих институт, с причинами, вызвавшими его, не могут быть признаны удовлетворительными. Тем не менее мы еще раз считаем долгом заметить, что несмотря на отмеченные нами крупные и мелкие недостатки, настоящее исследование г. Петражицкого представляет серьезный вклад в науку» [15, с.498].

После опубликованных работ в немецкой литературе появился ряд статей, в которых отдельные положения его теории объявлялись передовыми [16, с.9]. Нельзя отрицать, что идеи «русского цивилиста» Петражицкого способствовали формированию в начале XX века науки хозяйственного права Германии. И трудно переоценить его вклад в формирование метода хозяйственного права. В рецензии на труды Петражицкого Д. Гримм приводил интересную цитату: «Политика

права существовала и развивалась прежде в виде дисциплины так называемого естественного права. Падение школы естественного права означает прекращение развития политики права и в частности науки гражданской политики... Проповедь в пользу возвращения к решению задач школы естественного права и основания науки политики права останется пустым словом, пока не будет выработан научный метод, путем которого мы можем в области политики права достигнуть прочных результатов, и пока не будет доказана плодотворность и действительная научная сила этого метода» и отмечал от себя: «Ближайшая задача и заключается в выработке такого научного гражданско-политического метода» (1897 год) [17, с.48–49].

В начале XX века маятник истории склонился в сторону методологического коллективизма. И тут не обошлось без перекосов, связанных с отклонением от цивилизационной идеи христианского коллективизма (свободного коллектива) и прочтением идеи коллективизма в контексте западной традиции с ее тенденцией к противопоставлению частного и публичного начал и насильственному поддержанию приоритета одних интересов над другими, в данном случае публичных интересов над частными.

Метод централизованной экономической политики начинает применяться в кайзеровской Германии, готовящейся к первой мировой войне и наметившей реализацию сверхзадачи установления мирового господства. Чуть позже этот метод воспринимается советской властью, которая, увлекшись западными идеями построения социализма и коммунизма, решала свою грандиозную сверхзадачу и вдобавок не менее грандиозную – защиты от германской агрессии. Хотелось бы отметить объективную необходимость подобного периода в нашей истории. Вряд ли стоит отрицать, что без централизации управления экономикой в СССР возможно было обеспечить победу над фашизмом. Вероятно, во всемирной истории найдутся и другие примеры раз-

вития событий по закону «парности» и нейтрализации угроз по принципу «подобия» (клин клином вышибают), что обеспечивает возвращение равновесия, спасая человечество от гибели. С высоты новейшей истории можно только поражаться тому, как перекосы рационализма жизнь побеждает при помощи экстремальных иррациональных ответов. Но именно тогда на пространстве Западной и Восточной Европы окончательно стартовал закат западной традиции, которая начиналась в средневековье противопоставлением человеческого и божественного начал и заканчивалась в XX веке разгулом атеизма и все той же идеей насильственного делания человек счастливыми (вот уж что невозможно) путем принудительного насаждения «небесного града» на земле руками отдельных «знатоков истины». Трудно не заметить, что фашизм «шел по стопам» крестовых походов, а сталинские репрессии вторили средневековой инквизиции.

Возвращение к идее свободы в рамках методологического коллективизма стало возможным только после победы над фашизмом. Разумеется, они жили и развивались в науке, но не находили реализации в жизни, жизнь работала на будущее (на свободу в будущем).

В западных странах в противовес централизации в экономике в первой половине XX века возрождаются идеи естественного права – в экономическом учении Ойкена и фрайбургской школе хозяйственного права (Германия), правовом институционализме Ориу и теории согласованной экономики (Франция) и т.п. – которые заложили основу мирных социалистических революций и способствовало перерастанию капитализма в капиталистический социализм.

В Советском Союзе поддерживаемая хозяйственно-правовой наукой тенденция к децентрализации в экономике началась во времена «хрущевской оттепели».

В зарубежной и отечественной науке вопросам обеспечения состояния свободы в обществе

(свободной конкуренции в капиталистических странах, хозяйственной самостоятельности предприятий в странах социалистического лагеря и т.п.) уделялось пристальное внимание на всем протяжении XX века, также как и сейчас.

Что касается отечественной науки, нельзя не отметить выдающуюся величину из плеяды ученых рубежа XIX–XX веков, в т.ч. советского периода, И.А. Покровского. Его главный труд «Основные проблемы гражданского права» представляет собой изложение *политики гражданского права*, если понимать под ней «орудие для достижения наших идеалов» и «искусство посредством гражданского права служить делу общего развития человечества». Мировоззрение И.А. Покровского имело в основе глубокие нравственные принципы, его «Основные проблемы гражданского права» направлены на соединение теории частного права с теорией нравственности. И.А. Покровский исходил из того, что сознательное отношение как к праву в целом, так и к частному праву невозможно без решения «общих философских вопросов», оперируя категориями сущего и должного, говорил о двойственной природе права – позитивной и естественной, о необходимом стремлении к их соответствию, поднимал вопрос о целесообразности права, которое «желает не просто подчинять себе человеческое поведение, а подчинять его в интересах какого-то высшего блага. Оно есть не самоцель, а лишь средство для достижения некоторой цели; целесообразность есть существенное свойство права и его животворящее начало» [18, с.38–39]. Это служило основой для критической оценки И.А. Покровским догматической юриспруденции [19, с.353; 20, с.188]. На почве элементарного этического чувства справедливости, – пишет он, – постепенно развивается философская рефлексия, которая уже в античном мире приводит к зарождению идеи так называемого естественного права. Праву действующему и положительному, которое считается продуктом произвольного человеческого установления,

противопологается право естественное, *jus naturale*, представляющееся отражением абсолютного мирового разума или правящей миром божественной сущности. Право положительное начинает подвергаться оценке с точки зрения права естественного, и перед человеческой мыслью разворачивается целый ряд вопросов совершенно иного порядка, чем те, с которыми имеет дело догматика права. Если для последней положительное право имеет конечное и самодовлеющее значение, то для доктрины естественного права оно только предмет оценки, нечто, подлежащее либо утверждению, либо отрицанию в зависимости от его согласия или несогласия с абсолютными началами разума и справедливости [10, с.65].

Фигура Покровского дала толчок движению хозяйственно-правовой мысли в Советском Союзе. Свидетельства тому излагаются, к примеру, А.Л. Маковским, учеником Е.А. Флейшиц. «Прочтя в номере «Права и жизни» за 1922 год статью Н.Н. Полянского о И.А. Покровском и по привычке перелистывая журнал дальше, на последней странице я обнаружил маленькую заметку с эпиграфом под заголовком «Кружок имени И.А. Покровского». В заметке сообщалось, что 12 марта 1922 года при Московском институте народного хозяйства (бывшем Коммерческом институте) состоялось «торжественное открытие Правового кружка имени Иосифа Алексеевича Покровского». Кружок был открыт «по инициативе студентов» последнего (3-го!) курса *экономического* факультета, занимавшихся в семинарах по праву профессоров Б.Д. Плетнева и В.Н. Шретера. Одним из своих учителей считала Покровского Е.А. Флейшиц. В 1941 году выходит монография Е.А. Флейшиц «Личные права в гражданском праве Союза ССР и капиталистических стран» [21], представлявшая собой ее докторскую диссертацию, защищенную в 1940 году, в которой она в подтверждение своих доводов неоднократно ссылается на И.А. Покровского и его работы, в том числе,

на первой же странице, на «Основные проблемы гражданского права». Без боязни ошибиться можно утверждать, что сама тема диссертации была ею избрана под влиянием идей и трудов И.А. Покровского. В 1944 году Д.М. Генкин в одном из первых и лучших советских учебников гражданского права, рекомендуя литературу предмета, называет и «Основные проблемы гражданского права» Покровского [22]. В том же году Е.А. Флейшиц делает на конференции Московского университета доклад «И.А. Покровский и его вклад в науку гражданского права», в котором называет И.А. Покровского «носителем лучших традиций передовой русской научной и общественной мысли», а его «Основные проблемы» – «выдающимся явлением не только в русской, но и в литературе XX в. Вообще» [23, с.101].

Идея расширения прав предприятий и их хозяйственной самостоятельности была лейтмотивом формирования в советской науке поочередно нескольких хозяйственно-правовых школ. Не смотря на ее притеснение как оппозиционной идеи и даже физическое уничтожение ее носителей (30-е годы) хозяйственно-правовая идея возродилась снова и снова. В 30-х годах XX века в обеспечение прав предприятий была сформулирована концепция единого подхода к регулированию экономических отношений, центром которого должен стать хозяйственный кодекс [24]. В 40-е годы А.В. Венедиктов обосновал теорию коллектива и теорию оперативного управления государственным имуществом [25], на основе которых, после провала ряда радикализированных теорий о правах предприятий на госимущество (теория фидуциарной собственности (Б.С. Мартынов, начало 20-х годов [26]), теория товарной собственности (А.В. Венедиктов, 20-е годы [27, с.68–88]), теория разделенной собственности (Л.Я. Гинцбург, 30-е годы [28, с.180]), была создана абстрактная правовая форма, пригодная для защиты интересов предприятий-несобственников в любых конкретно-исторических

условиях. На протяжении второй половины XX века советская наука хозяйственного права с относительным успехом продолжала отстаивать заложенную в начале хрущевской оттепели тенденцию на расширение прав предприятий, их хозяйственной самостоятельности. Постоянно подчеркивалась необходимость принятия Хозяйственного кодекса и ограничения всевластия министерств и ведомств. Необходимые возможности открылись с переходом на рыночные условия хозяйствования, однако кодификация хозяйственного законодательства и проведение хозяйственно-правовых идей затормозила цивилистическая псевдолиберальная доктрина. В новых условиях хозяйственно-правовая школа отстаивала необходимость государственного регулирования рыночной экономики, отсутствие которого в 90-е годы несло реальную угрозу свободе хозяйствования, привело к массовым банкротствам, нанесло огромный урон промышленному потенциалу страны. Хозяйственное право всегда выступало в роли амортизатора негативных тенденций, ущемляющих права предприятий. В зависимости от обстоятельств, выступая за расширение хозяйственной самостоятельности предприятий или за ее ограничение, хозяйственники выступали в обеспечение свободы хозяйствования и в конечном итоге в защиту интересов предприятий. И напрасны навешиваемые цивилистами ярлыки об угрозах свободе со стороны хозяйственников – не угрозы, а гарантии свободы хозяйствования призван обеспечивать Хозяйственный кодекс, впервые принятый в Украине благодаря усилиям основоположника донецкой хозяйственно-правовой школы В.К. Мамутова, отстаивавшего, начиная с 60-годов, необходимость внутренне согласованного единого правового регулирования в хозяйственной сфере на основе хозяйственно-правовой концепции [29, с.5; 30]. Попытка «рецепции римского права» путем введения в действие «единого Цивильного кодекса», идея которого была заложена при разработке проекта нового Циви-

льного кодекса Украины в 1991–1996 гг., в хозяйственной сфере не удалась ввиду установившегося приоритета одновременно принятого Хозяйственного кодекса Украины. Сформировавшийся в Украине в противовес классической цивилистике хозяйственно-правовой подход направлен на правовое обеспечение эффективного функционирования сложноорганизованной экономики и обеспечение свободы в современном динамичном мире.

На основе вышеизложенного можно говорить о сложившихся в европейской истории двух традициях права, в большей или меньшей мере практикуемых и в западных, и в восточноевропейских странах. Западная традиция права базируется на востребованных средневековыми юристами из греческой философии рационалистических номиналистических воззрениях и зачатых на этой основе методологическом индивидуализме и догматической юриспруденции. «Восточная» традиция права базируется на известной со времен Платона реалистической философии и зачатом с Рождества Христова методологическом коллективизме (далее – исконном методологическом коллективизме) и развивающейся на их основе социологической школе права.

Противостояние двух традиций, которое сформировалось в конце 11–12 веках и сохраняется и сейчас, до 19 века имело конструктивное значение, способствовало постоянному совершенствованию средств технологической и общественной коммуникации, разработке и внедрению инноваций с целью улучшения условий жизни человека. Значение Папской революции в осознании и реализации рационалистической идеи прогресса, управляемого человеческим разумом, трудно преувеличить. Однако на 19–20 века пришелся кризис во взаимоотношениях указанной пары традиций, обусловленный не столько с экспансией догматической юриспруденции, сколько очередным общественным разделением труда, обусловившим переход к общественному производству, что обернулось невероятным усложнением обще-

ственных связей и возникновением грандиозной сверхзадачи по их организации. Методологический индивидуализм исчерпал себя, началась эра методологического коллективизма, позволяющего эту сверхзадачу решать.

Закат методологического индивидуализма означал закат западной традиции права, Европа устремила взоры «на Восток» в смысле «восточной» традиции континентального права, развивающейся в контексте исконной христианской традиции, которая сохранилась в православии [3, 4, 31]. Долгое время двигателем прогресса выступала питающая западную традицию права религиозная доктрина искупления в отношениях человека с Богом (католичество и протестантизм). Теперь ожидания связываются с восточнохристианской органической доктриной, представляющей наиболее полную картину общения человека с Богом, включая все три ее стадии по восходящей – Боговоплощение (отрицается исламом), искупление или распятие Христа (абсолютизируется католичеством и протестантизмом, что выливается в юридическую доктрину ответственности человека перед Богом за грехи) и воскресение (считается высшей мерой общения человека с Богом, предполагает возможность органического сочетания человека с Богом и исправления его греховной сущности уже в земной жизни) [32–35].

«Православию наиболее чуждо юридическое понимание искупления, как разрешения судебного процесса между Богом и человеком, и более свойственно онтологическое и космическое его понимание, как явления новой твари и нового человечества. Центральной и верной идеей восточной патристики была идея *theosis*'а, обожения человека и всего тварного мира. Спасение и есть обожение. И обожению подлежит весь тварный мир, весь космос. Спасение есть преображение и просветление твари, а не судебное оправдание. Православие обращено к тайне Воскресения, как к вершине и последней цели Христианства... На духовной почве Православия возникает стремление ко всеобщему

спасению. Спасение понимается не только индивидуально, но и соборно, вместе со всем миром...» – пишет Н.А. Бердяев. «Христианский Запад шел путями критической мысли, в которых субъект был противопоставлен объекту, и была нарушена органическая цельность мышления и органичная связь с жизнью. Запад силен сложным разветвлением своего мышления, своей рефлексией и критикой, своим уточненным интеллектуализмом. Но тут и была нарушена связь познающего и мыслящего с первобытием и первожизнью. Познание выводилось из жизни, мышление выводилось из бытия. Познание и мышление не протекали в духовной целостности человека, в органической связанности всех его сил» [33, с.4–11].

Переложение тонкостей богословия на язык права говорит о том, что западная «юридическая» доктрина права, опираясь на узко юридический формально-догматический подход с его противопоставлением частного и публичного стремится к крайностям коллективизма или индивидуализма, ущемляя, соответственно, либо индивидуальные, либо коллективные естественные права (в прочтении западной традиции и методологический индивидуализм, и методологический коллективизм предполагают антиномию частных и публичных интересов и приоритет, соответственно, частных интересов над публичными или публичных над частными).

В то время как восточнохристианская «органическая» доктрина права предполагает динамичное сочетание позитивного частного-правового и публично-правового регулирования в процессе реализации индивидуальных и коллективных естественных прав. Соответственно методологический коллективизм в «восточной» традиции права означает динамичное сочетание индивидуализма и коллективизма, частных и публичных интересов и приоритет публичных интересов в условиях их соответствия частным. Примером органического подхода в XX веке стали категории социального правового государства, социа-

льного рыночного хозяйства, социально ориентированной экономики, применение сбалансированных рычагов государственного регулирования рыночной экономики, философии участия – от участия трудовых коллективов в управлении предприятиями до участия общественных структур в формировании государственной социально-экономической политики и т.д.

Фактическое признание во второй половине XX века органической доктрины права ознаменовало начало перехода от номинализма к реализму в философии права и от узкоюридического подхода к органическому подходу в юриспруденции. Динамика современной жизни, все более набирающая обороты в условиях окончательно сформировавшегося в 19 веке способа производства, а сейчас уже и международного разделения труда, требует перехода от номиналистической к реалистической диалектике и реализации концепции «живого права».

Номинализм, юридический позитивизм и нормативистская школа права исходят из того, что юридическая наука должна изучать право в чистом виде, вне связи с политическими, социально-экономическими и другими сущими оценками – чистое право (представители: Новгородцев, Кельзен и др.). В противовес этому социологическая школа понимает право как реальное поведение субъектов правоотношений, признает приоритет общественных отношений как содержания над правовой формой – живое право (представители: Эрлих, Муромцев и др.) [36, с.133–35].

Часто органическую школу обвиняют в «ненаучности» и «примитивизме», связанным с чрезмерной «биологизацией», проведением аналогий между социальным и человеческим организмом. Эта критика оправданна, но может быть всецело отнесена на долю западной традиции номиналистического рационализма, ведущей свою линию от Аристотеля.

Аристотель основывался на том, что государство по своей сути схоже с живым человеческим организмом. Однако идея органи-

ческой теории заключается не в том, что государство подобно организму, а в том, что государство есть организм. Западная теория, признающая государство организмом, возникла и могла возникнуть лишь тогда, когда самое понятие организма выяснено было эмпирической и спекулятивной мыслью. Между тем, до конца прошлого века, как в области естественных наук, так и в области философии господствовало чисто-механическое (атомистическое) мирозерцание, отождествлявшее организм с механизмом. Только благодаря теории витализма (Биша), с одной стороны, и философии Канта и Шеллинга – с другой, человеческой мысли удалось провести между организмом и механизмом резкую разграничительную черту. Самое слово: «орган» (*ὄργανον*, *organum*) у греков и римлян означало не что иное, как орудие, искусственно приспособленное для той или иной человеческой цели. Аристотель называет орган, в указанном смысле слова, бездушным рабом, и, наоборот, раба – одушевленным органом. Отсюда само собою явствует, что для Аристотеля, как и для писателей XVII в., организм и механизм – одно и то же. Левиафан Гоббса – не что иное, как огромная машина. Крайний материалист, Гоббс не видел никакого различия между животным и автоматом. Отличительной чертой теорий естественного права, господствовавших в течение XVII и XVIII вв., является не органическое, а, наоборот, механическое воззрение на природу права и государства: и то, и другое рассматривается как результат человеческого расчета, выдумка человеческого ума.

Между тем основной характер исторического процесса – гармония необходимости и свободы: необходимое должно быть свободным, свободное – необходимым. Внешним организмом этой гармонии является государство; другими словами, государство – объективный организм свободы. Такова Органическая теория Шеллинга. Теория эта, перешедшая в философскую систему Краузе, развитая и популяризованная Аренсом, до-

селе оказывает глубокое влияние на литературу Германии. Наиболее замечательными из современных представителей органической теории государства является знаменитый германист Отто Гирке и ближайшие его ученик и последователь, Гуго Прейсс.

Материалистические, а тем более антропоморфические представления в западной органической теории со времени Аренса сменились на резкое противопоставление государства, как духовного организма, естественным организмам природы. По учению западной органической школы, организм, в противоположность механизму, обязан своим происхождением не сознательной человеческой воле, направленной к его созданию, а бессознательным силам природы, возвышающимся над человеческой волей. Государство – живое единство, отличное от суммы образующих его частей. Оно обладает самостоятельной внутренней силой развития; другими словами, его развитие покоится на собственной и взаимодействующей силе его частей и, следовательно, не вызывается, как действие механизма, толчком извне.

Вместе с тем не противопоставление, но сочетание материального и духовного, возможное в контексте восточнохристианской традиции, приводит почти к противоположному выводу. Социальный организм обязан своим происхождением и сознательной человеческой воле, направленной к его созданию, и внешним силам, возвышающимся над человеческой волей. Поэтому социальный организм обладает самостоятельной внутренней силой развития, но его развитие покоится не только на собственной и взаимодействующей силе его частей, но на воздействии внешних сил, которые способны определять характер этого взаимодействия, посему может определяться толчком изнутри, определяемым извне. Критика органической теории опирается на то, что социальные организмы всегда и везде являются результатом определенной потребности мыслящих, чувствующих, действующих людей. Но как

мыслящих, как сообразуется образ их мыслей с духовными ценностями, с интересами других и даже с собственными интересами? Этот вопрос является главным вопросом органической концепции правопонимания в восточнохристианской традиции, оперирующей феноменом определяемого внешними силами толчка изнутри (помысла), принимаемого человеком или нет по его выбору и ведущего, в зависимости от выбора, к божественному преображению или гибели.

Не случайно западная органическая теория общества сделалась предметом серьезной критики со стороны представителей других социологических направлений. В русской литературе главная заслуга в этом отношении принадлежит социологу рубежа 19–20 веков Н.К. Михайловскому, который становится, главным образом, на точку зрения человеческой индивидуальности, которой не может научным образом понять западная органическая теория общества. Не в интеграции общества, сопровождаемой дифференциацией его членов, видит он прогресс, а в постепенном увеличении целостности индивидуумов. Подобную критику органической теории давал Н. Коркунов в «Лекциях по общей теории права» [37–39].

Разделяя эту позицию, нельзя вместе с тем не заметить диалектическую взаимосвязь целостности индивидуумов и общества, где целостность общества определяется целостностью индивидуумов, а целостность индивидуумов определяется целостностью общества. Этот нюанс позволяет выдвинуть на первый план задачу научной разработки мер по обеспечению целостности общества. Целостность индивидуумов является личным делом индивидуумов, определяется их внутренней свободой (свободой совести), которая гарантирована Всеобщей декларацией прав человека (ст.18 [40]) и Конституцией Украины. Тем не менее, воздействие на внутренний мир индивидуумов при помощи социальных институтов возможно и целесообразно. Сказанное о государстве и

обществе может быть с полным правом отнесено и к другим видам коллективов в социальной реальности, в т.ч. предприятиям.

Подводя итоги исследования методологических подходов к исследованию проблем хозяйственной правосубъектности, в т.ч. предприятий, можно сделать такой *вывод*: стратегическое значение для совершенствования правового регулирования отношений в хозяйственной сфере и решения проблем хозяйственной правосубъектности имеет органическая концепция правопонимания и реалистическая диалектика правообразования, которые используются социологической школой права, развивающейся в русле истинного методологического коллективизма в рамках «восточной» (восточнохристианской) традиции права континентального права. Основные характеристики данного течения свидетельствуют о принадлежности к нему хозяйственно-правовой школы.

Перспективным направлением дальнейших исследований является исследование проблем хозяйственной правосубъектности предприятий, а также других проблем хозяйственного права с позиций правового институционального подхода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Юлдашев О. Х. Регуляторна політика як засіб вдосконалення господарського законодавства : монографія / О. Х. Юлдашев. – К. : МАУП, 2006. – 302 с.
2. Знаменский Г. Л. Задачи научного обеспечения модернизации хозяйственного законодательства / Г. Л. Знаменский // Проблемы господарського права і методика його викладання: зб. наук. пр. / НАН України. Інститут економіко-правових досліджень ; редкол. Мамутов В. К. (відп. ред.) та ін. – Донецьк : Юго-Восток, Лтд, 2006. – С. 408–416.
3. Шпенглер О. Закат Европы: в 2 т / О. Шпенглер. – Пер. с нем. И. И. Маханькова. – М. : Айрис-пресс, 2003. – Т. 2. – 642 с.
4. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / Г. Дж. Берман. – Пер. с англ. – 2-е изд. – М. : ИНФРА-М-НОРМА, 1998. – 624 с.
5. Царьков И. И. Развитие правопонимания в европейской традиции права / И. И. Царьков. – СПб. : Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. – 346 с.
6. Суворов Н. С. Об юридических лицах по римскому праву / Н. С. Суворов. – М. : Статут, 2000. – 299 с.
7. Рейснер М. А. Теория Л.И. Петражицкого, марксизм и социальная идеология / М. А. Рейснер. – СПб, 1908.
8. Кравчук В. М. Соціально-правова природа юридичної особи : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. юрид. наук : спец. 12.00.03 «Громадянське право; підприємницьке право; сімейне право; міжнародне частне право» / В. М. Кравчук ; Львів. нац. ун-т ім. І. Франка. – Л., 2000. – 16 с.
9. Покровский И. А. История римского права / И. А. Покровский. – М. : Статут, 2004. – 540 с.
10. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права / И. А. Покровский. – Изд. 4-е, испр. – М. : Статут, 2003. – 351 с.
11. Иванов П. И. Обзорение прав и обязанностей российского купечества / П. И. Иванов. – М. : Общ-во купцов и промышленников России, 2005. – 424 с.
12. Знаменский Г. Л. Хозяйственное законодательство Украины: формирование и перспективы развития / Г. Л. Знаменский. – К. : Наукова думка, 1996. – 63 с.
13. Хозяйственное право Украины : учебник / под ред. А. С. Васильева, О. П. Подцерковного. – 2-е изд., перераб. и доп. – Х. : ООО «Одиссей», 2006. – 496 с.
14. Петражицкий Л. И. Университет и наука / Л. И. Петражицкий. – СПб. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1907. – Т. 1. С. VIII. – 340 с; Т. 2. – С. 340–639.
15. Гримм Д. Рецензия на книгу: Л. Петражицкий. Права добросовестного владельца на доходы и значение добросовестности для гражданского законодательства с точек зрения догмы и политики гражданского права. Приложения: 1. Модные лозунги юрис-

- пруденции. 11. Обязанности юриспруденции в России. СПб., 1897 / Д. Гримм // Журнал Министерства народного просвещения. Критика и библиография. – 1898. – Кн. 4. – С. 459–498.
16. Ем В. С. Крупнейшая величина в области юридических и вообще гуманитарных наук / В. С. Ем, А. Г. Долгов, Е. С. Рогова / Предисловие к книге: Петражицкий Л. И. Права добросовестного владельца на доходы с точек зрения догмы и политики гражданского права. – М.: Статут, 2002. – 426 с.
17. Гримм Д. Рецензия на книгу: Л. Петражицкий. Права добросовестного владельца на доходы и значение добросовестности для гражданского законодательства с точек зрения догмы и политики гражданского права. Приложения: 1. Модные лозунги юриспруденции. 11. Обязанности юриспруденции в России. СПб., 1897 / Д. Гримм // Петражицкий Л. И. Права добросовестного владельца на доходы с точек зрения догмы и политики гражданского права. – М.: Статут, 2002. – 426 с.
18. Покровский И. А. Естественно-правовые течения в истории гражданского права / И. А. Покровский. – СПб.: Тип. Б. М. Вольфа, 1909. – 53 с.
19. Красавчиков О. А. Советская наука гражданского права (понятие, предмет, состав и система): ученые труды / О. А. Красавчиков. – Свердловск: Свердловск. юрид. ин-т, 1961. – Т. VI. – 824 с.
20. Зорькин В. Д. Позитивистская теория права в России / В. Д. Зорькин. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. – 270 с.
21. Флейшиц Е. А. Личные права в гражданском праве Союза ССР и капиталистических стран: ученые труды / Е. А. Флейшиц / Всесоюзн. ин-т юрид. наук. – М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. – Вып. VI. – 438 с.
22. Гражданское право: учеб. для юрид. институтов / М. М. Агарков, С. Н. Братусь, Д. М. Генкин и др. / Всесоюзн. ин-т юрид. наук. – М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. – Т. 1.
23. Флейшиц Е. А. И. А. Покровский и его вклад в науку гражданского права / Е. А. Флейшиц // Роль русской науки в развитии мировой культуры: программы и тезисы докладов: науч. конф. (5–12 июня 1944 г.). – М.: Изд. МГУ, 1944. – С. 101–103.
24. Гинцбург Л. Я. О хозяйственном кодексе СССР / Л. Я. Гинцбург. – М.: Советское законодательство, 1933.
25. Венедиктов А. В. Государственная социалистическая собственность / А. В. Венедиктов. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – 839 с.
26. Мартынов Б. С. Организационные принципы советского государственного предприятия в условиях планирования товарного оборота / Б. С. Мартынов // Право и жизнь. – 1927. – № 3. – С. 30–47.
27. Венедиктов А. В. Правовая природа государственных предприятий / А. В. Венедиктов. – Изд.-е 2-е. – Л.: Прибой, 1928.
28. Курс советского хозяйственного права / под ред. Л. Гинцбурга и Е. Пашуканиса. – М.: Соцэкгиз, 1935. – Т. 10. – 448 с.
29. Мамутов В. К. О цивилистическом подходе к решению проблем правового регулирования хозяйственной деятельности / В. К. Мамутов. – Донецк: ИЭП АН УССР, 1977. – 70 с.
30. Мамутов В. К. Экономика и право: сб. науч. тр. / В. К. Мамутов. – К.: Юринком Интер, 2003. – 544 с.
31. Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире / А. С. Панарин. – М.: Алгоритм, 2002. – 496 с.
32. Православная энциклопедия «Азбука веры» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://azbyka.ru>.
33. Бердяев Н. А. Истина православия / Н. А. Бердяев // Вестник русского западноевропейского патриаршего экзархата. – Париж, 1952. – № 11. – С. 4–11.
34. Осипов А. И. Почему православие есть истинная вера: лекция по основному богословию / А. И. Осипов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nn.ru/community/user/orthodox/?do=read&thread=612094&topic_id=11786952&archive=1halezky.

35. Царебожие и юридическая теория искупления [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://halezky.livejournal.com/8253.html>.

36. Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. – 2-е изд. перераб и доп. – М. : Юристъ, 2005. – 768 с.

37. Органическая школа / Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru/dict/bse/article/00055/53000.htm>.

38. Органическая школа. Органическая те-

ория государства. Органическая теория общества // Органическая экономика. Органическая теория в экономике – что это и зачем она нужна? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://organictheory.ru/organicschool>.

39. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права / Н. М. Коркунов. – СПб. : Изд. юрид. книж. маг-на Н.К. Мартынова, 1898. – 363 с.

40. Загальна декларація прав людини : від 10.12.1948 р. // Офіційний вісник України. – 2008. – № 93. – Ст. 3103.

Грудницька С. Н. Методологічні підходи до дослідження проблем господарської правосуб'єктності підприємств (стратегічне значення органічної концепції праворозуміння) / С. Н. Грудницька // Форум права. – 2010. – № 4. – С. 245–261 [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.nbuv.gov.ua/e-journals/FP/2010-4/10gsnokp.pdf>

Рассмотрены методологические подходы к исследованию проблем хозяйственной правосубъектности предприятий. Обосновано стратегическое значение органической концепции правопонимания, развивающегося на основе исконного методологического коллективизма.

Грудницька С.М. Методологічні підходи до дослідження проблем господарської правосуб'єктності підприємств (стратегічне значення органічної концепції праворозуміння)

Розглянуто методологічні підходи до дослідження проблем господарської правосуб'єктності підприємств. Обґрунтовано стратегічне значення органічної концепції праворозуміння, що розвивається на основі споконвічного методологічного колективізму.

Grudnitskaya S.N. Methodological Going near Research of Problems Economic Legal Subject of Enterprises (Strategic Value of Organic Conception of the Legal Understanding)

The methodological going is considered near research of problems economic legal subject of enterprises. The strategic value of organic conception of the legal understanding, developing on the basis of native methodological collectivism is grounded.